

Мария Жарницкая

Морфологическая адаптация русских заимствований в говоре села Вершина (на примере идиолекта А. Сои)

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 1, 67-80

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Мария Жарницкая

Морфологическая адаптация русских заимствований в говоре села Вершина (на примере идиолекта А. Сои)

В статье рассматриваются способы морфологической адаптации заимствований из русского языка в островной польский говор – говор села Вершина. Вершина – село в Иркутской области, основанное переселенцами из Царства Польского в начале XX века, в котором и до настоящего времени сохранились польский язык и культура.

Ключевые слова: село Вершина, польский говор, заимствования, морфологическая адаптация.

В июле 2010 года группа «Комплексное исследование польской деревни» побывала в селе Вершина Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Это село образовалось в 1910 году, когда несколько десятков польских семей из Домбровского бассейна и прилегающего к нему малопольского региона переехали сюда жить¹. Их родным языком был польский (малопольский и силезский диалекты), и в говоре Вершины до сих пор сохраняются яркие особенности малопольско-силезского происхождения². Например, на фонетическом уровне, это следующие черты вокализма: *o* на месте *этимологически долгого a, i* (после мягких) и *u* (после твердых) на месте *этимологически долгого e*, переход *q* в сочетания *in/ut* и *ę* в сочетании *in/ut*, и на месте *o* перед *m/n*.

В России переехавшие поляки оказались в русскоязычной среде, говор неизбежно оказался под сильным влиянием русского языка. Более того, в советское время польский язык не изучали в школе, официально им не разрешалось пользо-

¹ В. Петшик, *Маленькая Польша в таёжной Сибири*, Норильск 2008.

² Н. Ананьева, *Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском*, [в кн.:] *Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного славистика д.ф.н., проф. С.Б. Бернштейна*, Москва 2011, с. 47–48.

ваться, и это привело к тому, что вершининцы не знакомы с литературным польским языком. Его стали изучать в школе Вершины уже после распада СССР. Но, тем не менее, многие семьи продолжали в домашней обстановке общаться на родном языке, и говор сохранился. Сегодня все вершининцы умеют говорить по-русски, население Вершины – смешанное, в школе преподавание ведется на русском языке. Говор достаточно сильно трансформировался под влиянием русского языка, которое проявляется на всех уровнях языка – от фонетики до синтаксиса. В частности, в вершининском говоре огромное количество русских заимствований. Обычно слова, переходя из одного языка в другой, встраиваются в его систему, адаптируются фонетически и морфологически (или грамматически). Под морфологической адаптацией мы понимаем процесс усвоения языком заимствованного слова, при котором парадигма этого слова строится в соответствии с морфологическими закономерностями языка-реципиента. Но вершининский говор явно не справляется с потоком русских заимствований, и не все слова подвергаются морфологической адаптации. Более того, даже один и тот же человек может в своей речи одно и то же слово ставить в нужную форму то по законам русского языка, то по законам польского. Целью нашего исследования стало выявление того, насколько последовательно адаптируются русские заимствования, закономерностей, связанных с наличием или отсутствием адаптации, и попытка описать способы морфологической адаптации в данном говоре.

Диалекты не имеют кодифицированной нормы, в них часто параллельно сосуществуют конкурирующие формы, но в говоре Вершины зона вариативности исключительно большая. Все жители Вершины говорят по-разному, их речь каждого из них в большей или меньшей степени подвержена влиянию русского языка. Степень «чистоты» говора чаще всего связана с возрастом человека (например, молодое поколение зачастую говорит уже только по-русски, а наиболее «чистый» говор можно слышать от старшего поколения), наличием или отсутствием высшего образования, продолжительностью проживания вне Вершины и т. д. Для нашего небольшого исследования потребовалось как-то ограничить материал. Мы выбрали

в качестве материала записи речи Антонины Сои (1935 года рождения). В нашей работе мы говорим о процессах морфологической адаптации русских заимствований именно на примере идиолекта А. Сои. Идиолект – совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка; совокупность текстов, порождаемых говорящим³. А. Соя принадлежит к старшему поколению. Она всю жизнь прожила в Вершине, и её речь является наиболее типичной для данного говора. Поэтому в работе мы делаем выводы о грамматическом строе говора на основании анализа речи одного из его носителей. Кроме того, речь Антонины Сои очень четкая, что немаловажно для определения фонетического состава слов.

Первым этапом нашей работы был отбор материала, то есть выделение заимствованных слов из речи информанта. В некоторых случаях оказалось непросто определить, является ли слово заимствованным в результате непосредственного контакта вершининцев с русским языком. Дело в том, что некоторые слова присутствуют сейчас в литературном польском языке, но являются для данного говора заимствованиями из русского языка потому, что носители говора покинули Польшу в то время, когда этого слова ещё не существовало в языке. Например, слово *kolhoz* присутствует в современном польском языке (*kołhoz*), однако очевидно, что в языке Вершины оно появилось независимо от процесса заимствования его польским литературным языком из русского языка, так как явление, обозначаемое данным словом, возникло уже во время пребывания поляков в России. Но нам встретились и спорные случаи, для которых невозможно точно установить, существовали ли они в диалекте на момент отъезда поляков в Вершину, и мы только предполагаем, что эти слова – заимствования. В нашей работе они будут отмечены знаком *.

В ходе исследования было проанализировано около 7 часов записи интервью, в которых нам встретилось около 420 различных словоформ (некоторые из которых были употребле-

³ В.Н. Ярцева (ред.), *Большой энциклопедический словарь. Языковедение*, Москва 1998, с. 171.

ны по многу раз). Важно отметить, что мы будем рассматривать морфологическую адаптацию не лексемы в целом, а конкретных словоформ. «Это особенно важно при изучении диалектной речи двуязычных носителей, так как, во-первых, зачастую в имеющемся диалектологическом материале представлены не все формы лексических заимствований, а во-вторых, в речи двуязычных носителей могут параллельно встречаться адаптированная и неадаптированная форма лексемы»⁴.

Среди отобранного нами материала около 12% составили слова служебных частей речи, а также наречия. Эти примеры мы не рассматриваем в нашей работе из-за отсутствия у слов этих частей речи грамматических показателей.

Результат морфологической адаптации проявляется в изменении звукового состава флексии слова. Например, Род. мн. сущ. м. р.: трактор-ов – traktor-uf. Однако случаем морфологической адаптации мы считаем также изменение формы основы слова под влиянием польского окончания, то есть появление чередований, характерных для польского языка. Например, в izbušk-e – w izbuśc-e.

У морфологической адаптации заимствований в близкородственных языках есть одна важная особенность. Из-за сходства грамматических систем языка-источника и языка-реципиента во многих формах заимствованного слова необходимость в морфологической адаптации отсутствует, так как эти формы совпадают в двух языках. Например, Род. ед. сущ. ж. р.: roboty – работы, garmoški – гармошки (в обоих языках окончание -y/-i). Такие формы мы будем называть нейтральными в отношении морфологической адаптации. Всего среди рассматриваемого нами материала таких нейтральных случаев оказалось около половины.

⁴ М. М. Алексеева, *Особенности адаптации лексических заимствований из близкородственных языков (на примере полонизмов в лемковских говорах украинского языка)*, „Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена”, 2008, вып. 85.

Имя существительное

Среди заимствованных русских существительных примерно 70% словоформ оказались нейтральными.

В именительном падеже морфологической адаптации подвергаются только существительные, стоящие во множественном числе, с основой, оканчивающейся на мягкий согласный. В польском языке у существительных мягкого варианта склонения в этой форме гласный в окончании – е. Поэтому вершининцы произносят *pielmień-e* (пельмен-и), *rukowodziciel-e* (руководител-и). Морфологическая адаптация *слова kolybieln-y* (колыбельн-ые) происходит так же, как у соответствующего прилагательного, по тем же причинам.

Формы родительного падежа имен существительных женского рода в двух языках совпадают (*odzież-y* – одежд-ы). А у существительных мужского рода в польском языке форма родительного падежа образуется с помощью двух окончаний: -а/-и. Их употребление лексикализовано в языке, то есть нет четкого правила выбора того или иного окончания, нужно знать его для каждого конкретного слова. В диалектах польского языка распределение этих окончаний отличается от того, которое есть в литературном языке. Так же и в говоре Вершины. В русском языке редко встречается вариант окончания -и. В случае употребления русского слова с этим окончанием мы однозначно можем говорить о наличии морфологической адаптации. Стоит, кстати, заметить, что родительным падежом с предлогом «до» (а не винительным с предлогом «в»), как в русском) в польском языке управляют глаголы направления движения. Например, *do Irkutsch-u* – Иркутск-а (перевод: в Иркутск), *do kolhoz-u* – колхоз-а (в колхоз), *do gorod-u* – город-а (в город). Среди материала нам встретился только один пример нейтральной формы в связи с использованием в русском языке второго родительного падежа с окончанием –у: *чаяю*. Во всех же остальных случаях выбранное носителем говора окончание -а совпадает с русским, поэтому приходится говорить о нейтральных формах: *orkiestr-a* (оркестр-а), *sielsoviet-a* (сельсовет-а), *narod-a* (народ-а). Всего среди рассмотренных нами приме-

ров только в 16% случаев родительный падеж единственного числа слов мужского рода образовывался с окончанием -и.

Форма родительного падежа множественного числа слов мужского рода (твердого варианта склонения) образуется в польском языке с помощью окончания *-uf*. Этимологически это то же окончание, что и в русском языке (-ów – -ов), но в польском языке \bar{o} перешло в *u*. Все примеры, рассмотренные нами, были адаптированы. *Pieriedovik-uf* (передовик-ов), *ras-hod-uf* (расход-ов), *rajon-uf* (район-ов). Интересно, что в польских диалектах то же окончание присутствует и у существительных женского рода. Так адаптировалось слово *mašyn-uf* (машин).

В двух языках различается образование винительного падежа слов женского рода. Русскому окончанию -у соответствует польское -ę (которое произносится как -е). Кроме одного случая (*pieńsi-ju* – пенси-ю) информантка всегда адаптировала такие словоформы, например: *posud-e* (посуд-у), *kolitk-e* (калитк-у), *zarplat-e* (зарплат-у).

В дательном падеже почти все примеры были нейтральны с точки зрения морфологической адаптации, так как в говоре чаще всего у существительных мужского и среднего рода используется (как и в русском языке) окончание -и: *rukovodstvu* (руководству), *gosударstvu* (государству), *po televizoru* (по телевизору), *rajonu* (району). Различия в образовании форм дательного падежа в двух языках есть в формах множественного числа. В польском языке используется окончание -om, а в русском – -ам. Но в диалекте, в том числе, в вершининском говоре, в окончании произошел переход \bar{o} в *u*, о котором уже упоминалось. Поэтому окончание приобрело форму -um: *cyplatum* – цыплятам.

В творительном падеже отличия есть, во-первых, в существительных женского рода единственного числа. В польском языке они всегда имеют окончание -ą. Однако в диалектах носовые гласные часто отсутствуют. В говоре Вершины о носовое на конце слов перешло в сочетание звуков -um. Поэтому слово гармошка, адаптируясь, ставится в творительный падеж следующим образом: *z garmošk-um* (с гармошк-ой).

У существительных среднего и мужского рода в окончании творительного падежа в литературном польском языке должен быть гласный -е-. Но в диалектах прошел процесс перехода е долгого после твердых согласных в у, а после мягких – в і. В говоре же Вершины проявляется нерегулярность в его результатах, то есть соседствуют оба варианта окончаний: -em и -um/ -im. Насколько мы смогли проследить закономерность, первый вариант используется для образования творительного падежа существительных, основа которых оканчивается на мягкий согласный. Соответственно, иногда такие слова нейтральны с точки зрения морфологической адаптации, если в русском языке такое же окончание: ср. р. *ś udowolstwij-em* – с удовольствием-ем, м.р. *preśsedaciel-em* – председател-ем. Но существительные, образующие в русском языке форму творительного падежа с окончанием -ом, могут адаптироваться: *ś kostyl-em* – с костыл-ём. Есть примеры и отсутствия адаптации: *pod rukowodstv-om* – под руководством-ом, *kolhoz-om* – колхоз-ом. Существительные с основой на твёрдый согласный образуют форму творительного падежа с помощью окончания -ум, например: *prodawcym* – продавцом, *invalidym** – инвалидом. Существительные же мужского рода с основой, оканчивающейся на -k (и, возможно, -g), при морфологической адаптации приобретают в творительном падеже окончание -im: *za prilafk-im* (за прилавк-ом), *za nosk-im* (за носк-ом), *sadik-im* (садик-ом).

В предложном падеже существительные мужского рода в польском языке могут иметь окончания -е или -и. Окончание -е используется в польском языке в словах, оканчивающихся на твердый согласный (кроме k, g, ch), и в обоих языках вызывает чередование последнего согласного основы. Твердый звук чередуется с парным ему мягким. Эти пары позиционно чередующихся звуков в польском и русском языке иногда совпадают (например, m//m', n//n', v//v'), но чаще – нет. В польском языке есть чередования, отличные от существующих в русском языке: s//ś, z//ź, t//ć, d//dź, ł([ũ])/ł, r//rz ([ż]), k//c, g//dz, ch//sz ([ś]). Поэтому иногда приходится говорить о нейтральных формах (в случае совпадения в языках последнего согласного основы): *v magazin'-e* – в магазин-е, *v smysl'-e* – в смысл-е. Но чаще такие слова адаптируются (что видно по

наличию чередования в основе): *v gorodź-e* – в город-е, *v kolhoź-e* – в колхоз-е, *v sovieć-e* – в совет-е. Иногда бывает, что одно и то же слово встречается и в адаптированном варианте и, реже, в неадаптированном: *v folkloż-e* – *v folklor'-e* (в фольклор-е). Окончание -и предложного падежа имеют существительные мужского рода с основой, оканчивающейся на мягкий согласный и k, g, ch. По этому принципу в говоре адаптируются заимствования, например: *v diekabr'-u* (в декабр-е), *v ijuń-u* (в июн-е), *v Irkutsk-u* (в Иркутск-е). А так как в русском языке тоже существуют формы предложного падежа (второй предложный) с окончанием -у, то бывают и нейтральные случаи: *v krug-u* – в круг-у. Существительные среднего рода также имеют смягчающее окончание -е, но нам встретился лишь нейтральным случаем: *żywnotvodstv'-e* – (в животноводств-е). У существительных женского рода, стоящих в предложном падеже, также при наличии одинакового окончания (-е) о морфологической адаптации свидетельствует смена согласного в конце основы: *v programc-e* – в программк-е, на *vysoć-e* – на высот-е. Кроме того, отличие в образовании форм предложного падежа существительных женского рода заключается ещё в то, что после отвердевших согласных в польском языке следует окончание -у. Иллюстрацией этому служит адаптация на *krzyś-u* (на крыш-е).

Имя прилагательное

В русском и польском языках не совпадает вид окончаний прилагательных начальной формы; расхождения и потребность в морфологической адаптации возникает уже в именительном падеже. В польском языке окончание прилагательного состоит только из одной фонемы (*siln-y*, *siln-a*, *siln-e*, *siln-i*), поэтому русские прилагательные адаптируются, избавляясь от *j* и гласного в ж. р., с. р. и мн. ч. Например, *uhożenn-y* (ухожен-ный), *domaśń-a* (домашн-я), *blagodarn-e* (благодарн-ое), *sovetsk'-e* (советск-ие). Этот тип морфологической адаптации, как выяснилось, весьма естественен для носителя говора (что можно объяснить более лёгкой артикуляцией) и почти все прилагательные, проанализированные нами, не имели *j* в окончании формы именительного падежа (кроме единично употребо-

ленного слова *starćesk'-ij* – старчеськ-ий). В случае если заимствованное слово изначально стояло в русском языке в краткой форме, то мы говорим о нейтральном случае с точки зрения морфологической адаптации по данному критерию. Например, *svobodn-o* – свободн-а (в контексте буду свободна).

Однако для прилагательных женского рода и прилагательных, стоящих во множественном числе, отсутствие *j* в окончании свидетельствует только о частичной адаптации. Для полной адаптации требуется ещё и смена гласного. В говоре Вершины прилагательные в форме женского рода имеют в именительном падеже окончание -о (а не -а, как в литературном языке). Это диалектная особенность, связанная с процессом перехода *ā* в *o*. Поэтому заимствованные слова приобретают это окончание: *zadorn-o* (задорная), *drug-o* (другая), *interes-n-o* (интересная). Чаще всего окончание женского рода прилагательных -о появляется (80% случаев), но встречаются и неадаптированные по этому параметру примеры: *domaśń-a* (домашн-ья), *śutoćn-a* (шуточная). Прилагательные, стоящие во множественном числе требуют в польском языке окончания -е, однако под влиянием русского языка могут иметь и окончание -у/і. Анализируя примеры, мы столкнулись со сложностью определения гласного в окончаниях данной формы прилагательных. Это может быть связано с тем, что в польском языке у более низкого подъёма, чем в русском, и на слух больше похож на *e*. Поэтому можно условно говорить о наличии или отсутствии морфологической адаптации в таких примерах, как *pohval-n-e* (похвальные), *zlopamiatn-y* (злопамятные), *dierieviensk-i* (деревенские).

Нам встретился лишь один пример употребления прилагательного в родительном падеже, единственном числе: *repre-sirovan-ego* – репрессированн-ого. Адаптация этого слова заключается не только в смене гласного флексии (-е- в польском), но и в четком произнесении согласного *g*, тогда как в современном русском литературном языке в этой флексии выступает звук *v*.

В дательном падеже прилагательные в польском языке имеют в окончании гласный *e* (мужской род – окончание -emu, женский род – -ej). Нам встретился один пример неадаптиро-

ванного употребления (*drug-omu* – другому) и один – адаптированного (*sovietsk'-ej* – советск-ой).

Прилагательные с основой, оканчивающейся на -k/-g, в польском языке изменяются по варианту мягкого склонения (тогда как в русском – твердого). Поэтому в формах творительного и предложного падежей появляется возможность морфологической адаптация: w *strog-im* (в строг-ом), w *selsk-im* (в сельск-ом).

Среди нашего материала нам встретились нейтральные формы употребления прилагательных. Род. п. мн. ч. (*vsiak-ih* – всяк-их, *drug-ih* – друг-их) и ж. р. (*kolhozn-oj* – колхозн-ой).

Глагол

В неопределенной форме глагола в польском языке русской флексии -ть соответствует -ć. Все примеры инфинитивов глаголов, встретившиеся нам, были адаптированы. Например, *powiernuć* (повернуть), *kuźuć* (курить), *vińcać* (венчать).

Кроме того, заимствованные глаголы с возвратным постфиксом функционируют в говоре по закономерностям польского языка, в котором постфикс (się, произносящийся [še]) является отдельным словом и может стоять не только непосредственно после глагола, но и после других членов предложения. Все примеры, проанализированные нами, имели адаптированный постфикс как в формах инфинитива (*še vstriećić* – встретиться, *dobivać še* – добиваться), так и в личных формах глагола (*kaćali še* – качались, *še gotowiła* – готовилась, *še obśumy* – общаемся, *še obrośuś* – обращаешься, *še vstrecymy* – встретимся).

В настоящем времени почти все примеры были адаптированы. Первое лицо, единственное число: *objaśńum* – объясняю, *zakrywum* – закрываю. Первое лицо, множественное число: *še obśumy* – общаемся, *še obrośumy* – обращаемся, а также неадаптированный пример *ućastvujem* (участвуем). Два примера глаголов, стоящих во втором лице, единственном числе также адаптированы: *še obrośuś* – обращаешься, *prodolżoś* – продолжаешь. Глаголы третьего лица единственного числа в большинстве случаев адаптировались, например, *rukowódźi* – руководит, *kormi* – кормит, *ujeżża* – уезжает. Встретился только

один неадаптированный пример (*znacit* – значит) и один, частично адаптированный, с вариантом флексии как бы промежуточным между польским и русским: *pomogaје* (помогает). Уже нет конечного согласного, но «не дотягивает» до того, как должно было бы звучать, с одним гласным во флексии: *pomoga*. Все глаголы, стоящие в третьем лице, множественном числе были адаптированы. Например, *remontirujum* – ремонтируют, *nacynajum* – начинают, *śe wzrywajum* – взрываются.

В формах прошедшего времени наличие или отсутствие адаптации зависит, во-первых, от согласного, который в русском языкознании принято называть суффиксом прошедшего времени глагола -л-. В польском языке на месте русского твердого «л» стоит ł ([ɫ] – у неслоговое), в том числе и во флексиях глаголов прошедшего времени. Например, *kużyu* – курил, *otstojaua* – отстояла, *śe poluciuo* – получилось. Кроме того, парадигма глагола в польском языке отличается ещё и наличием показателем лица во флексии (у форм 1 и 2 лица). Но в данном говоре они почти отсутствуют, появляясь нерегулярно. Среди нашего материала показатель лица встретился только у трех глаголов первого лица, единственного числа (-m): *podros-uam* – подрос-ла, *pšeputa-uam* – перепутала. И в одном глаголе сослагательного наклонения, в котором, по правилам польского языка, показатель лица присоединяется к частице бы. *Ja bym ućastvovaua* – я бы участвовала. Он отсутствовал в формах первого лица, множественного числа (*rešyli* – решили), второго лица, множественного числа (*śe obidzili* – обиделись).

Во всех формах третьего лица, множественного числа в русском языке флексия -ли, а в польском есть два варианта: -li и -ly (cy). В литературном польском языке есть категория мужской личности и в глаголах, стоящих в лично-мужских формах, используется первый вариант (-li). Однако в говоре Вершины эта категория разрушена. Наша информантка тоже употребляет оба варианта флексии вне зависимости от того, кто является субъектом действия. Среди рассмотренных заимствованных глаголов в большинстве (возможно, под влиянием русского языка) – в 75% случаев – использовался вариант -li, так что эти случаи являются нейтральными. Например, *arestovali* (арестовали), *prazdnovali* (праздновали), *valsirovali* (валь-

сировали). Но были и случаи наличия адаптации, например: *komandovauy* – командовали, *kužuyy* – курили, *ustavauy* – уставали.

Среди материала встретились формы только простого будущего времени. Флексии, образующие эти формы, различаются в двух языках. Были примеры адаптированного употребления: *smoge* – смогу, *zачаһне* – зачахнет, *še spijo* – сопьётся. Но иногда глаголы употреблялись с русскими флексиями: *dopus-tim* (допустим), *skazet* (скажет).

Кроме того, в работе были примеры глаголов, стоящих в повелительном наклонении. Они могли не требовать морфологической адаптации: *podegr'ej* (подогрей), *davaj* (давай). Но встретились и примеры адаптации. Например, второе лицо, множественное число; употреблена польская флексия, русской фонеме т' соответствует польская ć: *davajće* – давайте. Еще один пример: *nabludoj* – наблюдай. Чередование гласных о/а в основе обусловлено использованием морфологической аналогии. Дело в том, что в глаголах с основой, оканчивающейся на -а́, в диалекте произошёл переход ā в о, и заимствованное слово приобретает форму, аналогичную другим глаголам того же типа. Случай неадаптированного употребления (без конечного j): *umr'i* (умри).

Для устной речи не характерно употребление в большом количестве деепричастий, и в работе нам встретился всего один пример использования в речи деепричастия. Слово было не адаптировано: *stoja* (стоя). Поэтому мы не можем говорить о тенденциях адаптации слов этой части речи (формы глагола).

Выводы

Как мы и предполагали, русские заимствования встраиваются в грамматическую систему говора, то есть подвергаются в речи морфологической адаптации. Более того, в своей речи Антонина Соя адаптирует русские слова в подавляющем большинстве случаев. Примеры полного отсутствия морфологической адаптации составляют только около 10% от всех тех, где она возможна. Еще около 10% составили случаи частичной адаптации, то есть случаи, когда флексия слова построена час-

тично по законам русского языка, а частично по законам польского (как, например, в словоформе *pomagaje*).

Нами было выявлено достаточно большое количество форм (среди часто встречающихся), которые практически всегда (за исключением иногда 1 примера) образовывались в соответствии с морфологическими закономерностями говора:

* Именительный падеж прилагательных. Окончание состоит из одной фонемы, а не двух или трех, как в русском.

* Родительный падеж множественного числа существительных: использование окончания -uf.

* Винительный падеж единственного числа существительных женского рода: образование с помощью окончания -e.

* Предложный падеж единственного числа существительных с основой, оканчивающейся на твердый согласный: наличие чередование согласных на конце основы.

* Предложный падеж единственного числа существительных мужского рода с основой, оканчивающейся на мягкий согласный: использование окончания -u.

* Инфинитив глагола образуется с помощью флексии -ć.

* Преобразование возвратного постфикса глагола в самостоятельное слово и его фонетическая адаптация: *śe*.

* Настоящее время глагола.

С образованием адаптированных форм именительного падежа единственного числа женского рода прилагательных у информантки возникло чуть больше проблем: окончание -o использовалось в 80% случаев.

Оказалось, что самая сильная нерегулярность проявляется в образовании личных форм глагола в прошедшем и будущем времени. Показатель лица в прошедшем времени присутствует только три раза (всегда в первом лице, единственном числе). В будущем времени использовались как польские флексии, так и русские.

Влияние русского языка сказывается и на морфологии говора. В тех случаях, когда язык предоставляет выбор варианта флексии, носитель чаще выбирает тот, который совпадает с русским. Например, в 84% случаев у А. Сои было окончание, соответствующее русскому, существительного мужского рода, стоящего в родительном падеже (-a). Эту же тенденцию под-

тверждает выбор в 75% случаев флексию -li глаголов, стоящих в прошедшем времени, множественном числе.

Интересно, что использование варианта окончания -u родительного падежа единственного числа существительных мужского рода встречается только в тех случаях, когда и синтаксис предложения не совпадает с русским. А именно в сочетаниях с глаголами движения, употребляющимися с предлогом до.

Полученные результаты показывают, что, несмотря на неизбежно большое количество лексических заимствований, грамматический строй говора Вершины остается в высокой степени сохранным. По крайней мере, в речи носителей говора старшего поколения.

Morfologiczne adaptacje zapożyczeń z języka rosyjskiego w dialekcie wsi Wierszyna (na przykładzie idiolektu A. Soji)

Artykuł omawia metody morfologicznych adaptacji zapożyczeń z języka rosyjskiego do polskiego dialektu wsi Wierszyna. Położona na Syberii Wierszyna została założona przez polskich przesiedleńców na początku XX wieku. Jej współcześni mieszkańcy wciąż zachowują znajomość języka polskiego oraz polskiej kultury.

Słowa kluczowe: dialekt języka polskiego, zapożyczenia, morfologiczna adaptacja, Wierszyna

Morphological adaptation of Russian loanwords in the dialect of Vershina (the case of the idiolect of A. Soja)

The paper deals with the methods of morphological adaptation of borrowings from Russian to Polish dialect in Vershina, small village located in Siberia. Vershina was located in Irkutsk oblast by Polish migrants in the beginning of XXth century. Its inhabitants are still preserving Polish language and culture.

Key words: dialect of Polish language, loanwords, morphological adaptation, Vershina

Мария Жарницкая – студентка дефектологического факультета МПГУ. Область научных интересов: интерференция польского и русского языков, сравнительная лексикология.